

ДЕТСКАЯ РЕЧЬ

DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-6-32-41

«Когда я буду бабушкой – Годов через десяточек...»: сочинения школьников о пожилом возрасте и старости

Лариса Олеговна Бутакова

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия,
e-mail: larisabut@rambler.ru

Цель статьи – оценить коммуникативные, смысловые, структурные аспекты текстовой деятельности школьников, установить актуальный смысловой состав концептуальной области, связанной с пожилым возрастом, типы применяемых речевых действий при вербализации смыслов в процессе неподготовленной письменной речевой деятельности. Материал: тексты сочинений «Старый человек, какой он?»; «Старость, какая она?», «В старости я буду...», написанные учащимися VII классов средних школ г. Омска в 2020 г. Методы: комплексный анализ, в рамках которого выявлялись коммуникативные (речевые стратегии и тактики, тип коммуникации), когнитивные (способы актуализации смыслов, когнитивных структур), семантические (отбор слов, распределение предметных признаков, выделение предикатов и пр.) параметры. Результаты исследования: выявлено доминирование вариативно развивающихся типовых сценариев, связанных с наличием в языковом сознании определенных когнитивных фрагментов, воздействие социальных стереотипов, связанных с возрастом, старостью, старым человеком. Выводы: хорошее владение коммуникативными нормами и структурой рассуждения, преобладание Я-коммуникации, отсутствие зависимости между выбором коммуникативной модели и формулировкой темы; наличие в концептуальной области пожилого возраста актуальных смысловых пространств и когнитивных структур: семьи – «любовь к детям, внукам, забота, помощь» / «ненужность»; образа жизни – «физическая и интеллектуальная активность», «здоровье» / «отсутствие интересов», «болезни», жизни как прошлого – настоящего – будущего – «работа, деньги, бизнес», «радость, веселье, наслаждение», «грусть, немощь», человека – «разные типы пожилых людей», «жизнерадостность» / «ворчливость», «опыт», «мудрость»; характер применяемых речевых действий в процессе письменной речевой деятельности состоит в наделении качеством, передаче деятельности субъекта – человека и его возрастного состояния с помощью ограниченного круга базовой для смыслового поля возраста лексики (*пожилой, старый, старик, бабушка, дедушка, стареть*); представление традиционных для русской культуры стереотипов многопоколенной семьи, взаимной заботы и формирование новых стереотипов активной, радостной и счастливой старости.

Ключевые слова: *смысловое поле возраста; речевая деятельность; когнитивные механизмы; речевое действие; языковое сознание школьника; когнитивная структура; коммуникативная модель; актуальный смысл*

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-го проекта № 18-012-00507 «Пожилой человек в современных русскоязычных дискурсах: комплексное лингвистическое исследование».

Ссылка для цитирования: Бутакова Л. О. «Когда я буду бабушкой – Годов через десяточек...»: сочинения школьников о пожилом возрасте и старости // Русский язык в школе. – 2020. – Т. 81. – № 6. – С. 32–41. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-6-32-41.

«When I am a Grandma – in Ten Years or So...»: Schoolchildren's Compositions about Elderly and Old Age

Larisa O. Butakova

*Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia,
e-mail: larisabut@rambler.ru*

The study is aimed at assessing communicative, semantic and structural aspects of schoolchildren's text-based activity; determining the actual semantic structure of the conceptual area connected with an old age, as well as the types of vocal acts applied to verbalisation of senses in the process of extemporaneous written speech production. Resources: texts of the compositions «An old man, what is he?»; «Old age, what is it?»; «In old age I will be...», written by seventh-grade Russian students in Omsk in 2020. The applied methodology involves complex analysis for identifying communicative (speech strategies and tactics, type of communication), cognitive (actualisation of meaning and cognitive structures), semantic (selection of words, distribution of subjective features, selection of predicates, etc.) parameters. Results of the research: the author reveals certain dominance of variably developing typical scenarios associated with specific cognitive fragments in the linguistic consciousness as well as particular impact of social stereotypes associated with age, old age, old person. The author comes to the following conclusions: competence in communicative norms and structure of reasoning, predominance of self-communication, lack of dependence between the choice of the communication model and stating of the topic; actual semantic spaces and cognitive structures in the old age conceptual area: family – «love for children and grandchildren, care, help» / «abandonment»; lifestyle – «physical and intellectual activity», «health» / «lack of interest», «illness»; life as past – present – future – «work, money, business», «joy, fun, pleasure», «sadness, weakness»; a person – «different types of elderly people», «optimism» / «grumpiness», «experience», «wisdom»; the nature of the written speech actions consists in endowing with quality, transferring the activity of the subject – a person and his age state with the help of a restricted vocabulary basic for the semantic field of age (*elderly, old, an old man, grandmother, grandfather, getting old*); presentation of stereotypes of a multi-generational family and mutual care traditional for Russian culture, as well as formation of new stereotypes of active, joyful and happy old age.

Keywords: semantic field of age; speech activity; cognitive mechanisms; speech action; linguistic consciousness of a student; cognitive structure; communication model; actual meaning

Acknowledgments: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research under the scientific project No. 18–012–00507 «An elderly person in modern Russian-language discourses: a comprehensive linguistic research».

*A reference for citation: Butakova L. O. «When I am a grandma – in ten years or so...»: schoolchildren's compositions about elderly and old age. In *Russkii yazyk v shkole [Russian language at school]*. 2020, vol. 81, No. 6, pp. 32–41. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-6-32-41.*

Введение. Письменная речь учащихся может быть источником информации о сформированности фрагментов языкового сознания, уровне развития языковой способности, качестве речевой компетенции, типе конкретного речевого действия, виде примененных операционально-действенных ментальных механизмов, выбранных для вербализации смыслов, наличии необходимых для такого вида деятельности операциональных структур и навыков их реализации и т. п., давая богатый материал для анализа «глубинных» и «поверхностных» рече-мысле-деятельностных процессов.

Разные стороны детской речи, проблемы онтогенеза, ментального и вербального лексикона, речевой деятельности, языковой способности, речевой компетенции, языкового сознания школьников в русской психологии и психолингвистике анализируются разнонаправленно и глубоко (см.: [Гольдин 2007]; [Гольдин, Сдобнова 2011]; [Сдобнова 2015]; [Гуц 2004, 2005]; [Бутакова 2010, 2016а, 2019]; [Бутакова,

Гуц, Козловская 2018]; [Доценко 2003, 2011]; [Орлова 2010]; [Овчинникова 2018]; [Овчинникова, Береснева, Дубровская, Пинягина 2000]; [Рогожникова 1989]; [Пищальникова 2002, 2003], [Цейтлин 2000, 2009] и др.). Стратегии порождения первичного и вторичного текстов, письменная речь учащихся школы также описаны в аспекте сочетания индивидуальности/стереотипности, копиальности/креативности (см.: [Гридина 2014, 2018а,б]; [Лемяскина, Стернин 2000]; [Бутакова 2010, 2016б, 2019]; [Орлова 2010] и др.).

Цель статьи – оценить коммуникативные, смысловые, структурные аспекты текстовой деятельности школьников, установить актуальный смысловой состав концептуальной области, связанной с пожилым возрастом, типы применяемых речевых действий при вербализации смыслов в процессе неподготовленной письменной речевой деятельности.

Материал и методы. В качестве материала использованы тексты сочинений на темы: «Старый человек, какой

он?»; «Старость, какая она?», «В старости я буду...», написанные учащимися седьмых классов средних школ г. Омска в феврале 2020 г. Работы учащихся анализировались по критериям, предложенным нами ранее [Бутакова 2010, 2016б, 2018]. Выявлялись коммуникативные (речевые стратегии и тактики, тип коммуникации), когнитивные (способы актуализации смыслов, когнитивных структур), семантические (отбор слов, распределение предметных признаков, выделение предикатов и пр.) параметры.

Обсуждение. Описание пожилого человека в русской языковой картине мира (ЯКМ) было осуществлено Л. Б. Никитиной и И. В. Салимьяновой [Никитина, Салимьянова 2013]. Применяв полевой подход, авторы установили незамкнутость границ семантического поля «старость», его пересечение «с другими характеризующими человека полями (в том числе “антонимичными”: “молодость”, “детство”» [Там же: 59]. На основе анализа контекстов и психолингвистического эксперимента с реципиентами-студентами были сделаны выводы о том, что указанное поле представляет языковой образ пожилого человека с помощью базовой лексики *пожилой, старый, дряхлый, стареющий, престарелый, древний, старик, стареть, по-стариковски* и пр. [Там же: 60–62], старость в русской ЯКМ в первую очередь связана с потерями и негативными эмоциями [Там же: 89]. Проведенное нами в 2019–2020 гг. экспериментальное исследование возрастной лексики выявило, что указанное поле реализуется возрастными носителями русского языка (от 55 до 83 лет) сложнее и объемнее: с помощью темпоральных — *возраст, третья молодость*; фатальных — *неизбежность*; витальных — *жизнь — это страшно; жизнь*; предметных смысловых стратегий — *внуки*; старость ассоциируется с онтологической способностью человека — *опытом, мудростью*; независимостью — *свободой от работы, свободой поступков*; физической немощью — *болячками, нездоровьем*; итоговым потенциалом — *возможностью определить, как я прожил жизнь*. Ассоциирование стимула «старый» в этой возрастной группе происходит с помощью контрастных стратегий характеристики физического состояния — *слабый, больной, болезненный, бодрячок, активный*; витальных особенностей — *много прожил,*

молодой в душе, не совсем молодой; внешних и внутренних качеств — *трудный, мудрый, добрый, притворчивый* (см.: [Бутакова 2018а, б]; [Бутакова, Гуц, Орлова 2018]). Ассоциативные эксперименты с участием реципиентов-школьников и тем же стимульным списком дали картину, пересекающуюся, но не совпадающую с результатами экспериментов с участием пожилых людей и описанием, полученным Л. Б. Никитиной и И. В. Салимьяновой. Для придания ей большего объема и выявления ее когнитивного состава в другом типе речевой деятельности были написаны сочинения.

Результаты. Содержание сочинений школьников отражает реалистически-идеалистическое восприятие отдаленного от них периода жизни. Выбор коммуникативной модели сочинений обусловлен предложенным жанром рассуждения, что привело к преобладанию субъектной Я-коммуникации. Тема «В старости я буду...» предполагала именно такой тип рассуждения, но и для описаний старости, старого человека учащиеся также предпочли выраженную субъектность и авторизацию. В ходе раскрытия этой темы и темы «Какой он, старый человек?» оказались актуальны стратегии начальной части, воплощающие ситуации представления, наблюдения, размышления конкретного пишущего:

Я думаю, что...; Если я задумываюсь о своей старости...; Иногда я задумываюсь, какой я буду бабушкой; Честно говоря, я никогда не задумываюсь, какой я буду в старости; Я считаю, что старый человек более беспомощный; В моем представлении старый человек — это добрый, отзывчивый и жизнерадостный человек; По моим наблюдениям, пожилые люди довольно неактивны, черезчур общительные, неинтересные в плане общения; В моем понимании человек становится старым, когда он этого захочет сам¹.

Для сочинений на тему «Старость, какая она?» характерен тип начальной части с преобладанием идентификационной, квалификационной и констатирующей стратегий. При их реализации позицию объекта квалификации, обладания занимает указанный феномен, а в смысловой

¹ Здесь и далее сохранены орфография и пунктуация оригинала.

фокус развертывания стратегии попадает преклонный возраст, его перцептивные качества, человек как носитель возраста:

Старость — когда человек уже прожил свою жизнь; Старость — это когда человек прожил уже не маленький порог жизни; У старости есть свой запах. Это запах мудрости, прожитых лет и одиночества; Для каждого человека старость имеет разные определения.

Указанные стратегии были осуществлены в текстах со следующими структурными показателями: средний объем составил 120–122 слова, предложений — 0,7–1,8, средняя длина предложения — 6,8–11,5 слов; максимальный объем — 160–195 слов, 12–15 предложений, минимальный объем — 59–86 слов, 8 предложений (см. таблицу). Такие показатели можно объяснить как общими тенденциями развития письменной речи учащих средних классов, так и жанровой спецификой, тематикой, спонтанным характером сочинений. Сравнение наших результатов с теми, что получил в конце 50-х гг. XX в. психолог Н. И. Жинкин, анализируя сочинения-описания школьников данного возраста, указывает на уменьшение объема и упрощение структуры текста (минимальное количество слов в сочинениях-описаниях VII класса 132, предложений — 14, средняя длина предложения — 9,4 слова, максимальное количество слов — 330, предложений — 20, средняя длина предложения — 16 слов [Жинкин 1998: 198]).

Смысловые особенности сочинений «В старости я буду...» определяются развитием контрастных когнитивных сценариев: «Все будет как у всех» vs «Все должно быть / хочу не как у других людей». Первый опирается на традиционные стереотипы русской жизни, проявление которых пишущие наблюдают в своих семьях. Большинство пишущих выбрали именно этот сценарий, развивая смысловую линию семейной жизни, в которой актуализировали взаимосвязанные концепты «работа» — «семья» («дети» — «внуки») — «любовь» — «забота»:

В старости я буду хорошей бабушкой и мамой для своих детей и внуков, которые будут мне помогать и я буду им нужна; Я буду очень добрым и счастливым. Будет свой огород, баня и очень добрые отзывчивые внуки; Буду доброй и понимающей бабушкой с юмором, а так же стараться поддерживать в любой ситуации своих детей и внуков, чтобы они могли ко мне обратиться с любой просьбой.

Второй сценарий связан с развитием смысловой линии активной материальной и иной жизни, девизом которой является высказывание «старость — это новая жизнь». Закономерным кажется пишущим наличие предварительного этапа жизни, на котором люди активно работают, зарабатывают деньги, устраивают жизнь на перспективу:

Перед старостью хотел бы себе найти жену, красивую и чтобы умела готовить. Но в молодости я бы хотел получить диплом. И устроится на работу, и работать на ней, чтобы в старости получать хорошую пенсию. Чтобы не быть бедным; Когда я буду старым, перееду в Америку. В Америке я куплю магазинчик. И буду продавать чипсы с коллой. Через 2 года я все продам. И поеду в Россию. Буду читать книги и ворчать. Я пойду в качалку и буду сильным дедом; В старости я бы хотел иметь свое предприятие, увидеть себя с ролексами, в дорогом костюме и исполнить свои желания и мечты.

Линии смыслового развития текстов сочинений на тему «Старость, какая она?» проходят также в двух направлениях. Первое направление реализуется с помощью контрастных сценариев активной («человек побеждает возраст») и пассивной («старость побеждает человека») старости, соединяющихся воедино с помощью пересеченных смысловых областей «человек — жизнь»:

Я считаю, что старость — это когда человек должен воспользоваться всем накопившемся опытом и свободным временем. Учить чему-то своих детей, внуков. Возможно, путешествовать по городам; Веселая старость бывает у тех, чья жизнь была наполнена юмором, и этот юмор остался у человека даже в старости. Скучная старость бывает у тех людей, чья жизнь была совершенно обычной. Грустная старость бывает у таких людей которые чувствуют себя одиноко. Интересная старость бывает у тех людей, чья жизнь наполнена интересными событиями; Кто-то до старости занимается спортом. Поэтому в старости некоторые выглядят как молодые. Эти люди путешествуют, гуляют и просто развлекаются; В старости многое меняется например отношение к людям, а еще меняется состояние здоровья... А самое главное у пожилого человека есть опора и поддержка близких; Старость это не скучно, это такая же жизнь, только есть побольше свободного времени и много воспоминаний. В старости не надо сильно напрягаться и тратить свои силы на серьезные дела.

Второе направление задается рефлексией: пишущие интерпретируют семантику базовой лексики и через нее выходят на когнитивные сценарии «человек и возраст», «физическое/эмоциональное состояние», «период жизни», «собственное отношение к феномену», применяя стратегии идентификации, пояснения, характеристики, антропоморфизации:

Для каждого человека старость имеет разные определения. Кто-то склонен считать, что старость станет для него временем, когда можно вдоволь отдохнуть и набраться сил. Для кого-то это момент не очень приятный, так как начинается осознание того, что молодость, к сожалению, закончилась; Старость – когда человек уже прожил свою жизнь и он становится старым, как бабушки и дедушки и так далее; Старость – это одна из ступеней нашей жизни к которой мы постепенно приближаемся; Старость – это человек, которому шестьдесят или восемьдесят лет; Все же старость не самое лучшее время в жизни человека. Иммуитет и суставы ослабевают. Пожилые люди чаще болеют, что может мешать заниматься любимыми делами. Иногда бывает, что пожилые люди могут оказаться никому не нужными; А других людей старость все-таки настигает и накрывает пеленой одиночества; Старость – самый непредсказуемый период в жизни человека.

Смысловое содержание одной группы сочинений на тему «Какой он, старый человек?» разворачивает сценарии внешнего и внутреннего портретирования человека данного возраста, представляемого как типичный, но разнообразный феномен:

В моем представлении старый человек – это добрый, отзывчивый, жизнерадостный человек. Он ведет активный образ жизни, весь в морщинах с седыми волосами; Старый человек может уже выглядеть не так, но в своей голове и разуме представляет себя другим; Когда человек стареет, ему тяжелее ходить, потому что болят суставы. Могут быть проблемы со здоровьем. Организм становится слабый. Но бывает, что даже с такими проблемами, старые люди радуются жизни и не унывают; Все люди по-разному принимают этот возрастной период. Кто-то отчаивается в своей жизни и начинает ворчать на весь мир, а другие продолжают вести привычный образ жизни, игнорируют старость. Для таких людей старость – не приговор, стареет тело, но не душа.

Сочинения второй группы учащихся (их немного), выбравших эту тему, основаны на противопоставлении людей молодого и пожилого возраста:

Прошлое поколение намного опытнее нового поколения, ведь они через многое прошли, например через голод и холод; Это прекрасные люди очень разумные, так как они знают многое, даже то что мы не знаем или не понимаем; Многие подростки хамят пожилым людям, что очень неправильно. Есть волонтеры, которые помогают им; Хотя у нас разные интересы, вкусы и взгляды на мир, но не надо ссориться или что-то доказывать. Бабушки дедушки родились во время когда не было компьютеров, телефонов, почти всех вещей, которые есть сейчас.

Рассуждения о себе в старости были воплощены с помощью глагольных предикатов, характеризующих человека: глаголов обладания (*иметь, покупать, получить, завести*); активного физического действия (*путешествовать, ездить, работать, гулять, бегать, ходить, заниматься спортом, развиваться, вязать, помогать*); чувства (*любить, уважать, ценить, заботиться, наслаждаться, радоваться*); экзистенции (*жить*). Круг вторичных предикатов, относящихся к человеку, состоит из прилагательных и причастий с семантикой возраста (*старый*), времени (*современный*), физического, эмоционального и ментального состояния (*энергичный, скучный, сердитый, деградирующий, злой, агрессивный, веселый, добрый, понимающий, заботливый, любящий*), оценки (*хороший, классный*).

Рассуждения о старости в сочинениях на вторую тему отличаются преобладанием предметной и признаковой областей по сравнению с областью глагольных предикатов. Последние включают лексику физического действия, движения, ментальных действий, направленных на объект (*путешествовать, учить*), физического состояния, ощущения (*ослабевать, болеть, отдыхать, вспоминать, чувствовать, ощущать*); изменения состояния (*меняться, стареть*). Предметная область сконцентрирована вокруг базового феномена, заданного формулировкой темы, – *старость*. Выступая субъектом пропозиций характеристики и классификации, он наделяется оценочными, эмоциональными, понятийными признаками с помощью вторичных предикатов – прилагательных (*печальная,*

грустная, веселая, счастливая, интересная, разная); сочетаний существительных с числительными, прилагательными, существительными (*самый непредсказуемый период, не самое лучшее время в жизни, одна из ступеней нашей жизни, чудесный этап в жизни, жизненный период*). Именно в сочинениях на эту тему неоднократно встречаются рассуждения, акцентирующие зависимость отношения к стрости от разных факторов: состояния души, сознания, самого человека (*Наше отношение к старости зависит от состояния души; старость находится у человека в голове; зависит от самих людей*).

Предикатный состав текстов сочинений на третью тему представлен глаголами ментальных действий (*считать, полагать, знать, интересоваться, понимать, читать*); речевой деятельности (*говорить, рассказывать, общаться, обсуждать, сплетничать, шутить, осуждать, подказывать*); восприятия (*увидеть*), состояния, чувств, эмоций (*радоваться, наслаждаться, веселиться, любить, скучать, болеть*); существования (*жить, прожить*), активных действий (*путешествовать, заниматься спортом, работать, вязать, готовить, стряпать, заботиться*). Круг вторичных предикатов охватывает прилагательные и причастия возраста (*старый, пожилой*); состояний, качеств (*обидчивый, ранимый, злой, ворчливый, грустный, болтливый, веселый, жизнерадостный, добрый, отзывчивый*); ментальных и интеллектуальных свойств (*мудрый, опытный, умный*).

Круг предметов (субъектов и объектов пропозиций) одинаков во всех сочинениях и ограничен семантическим полем человека, родственных связей, возраста, состояния (*человек – люди, душа, тело; внук, внучка, бабушка, дедушка, прабабушка, прадедушка, дети, родители; старость, жизнь, одиночество*).

Образные средства характеристики старого (пожилого) человека связаны со смысловой областью опоры (*пожилой человек есть опора и поддержка близких*), багажа (*у пожилого человека за спиной большой багаж знаний*), соответствующего периода жизни – с формульными метафорами (*старость – не приговор, старость – ступень жизни*), синестезией (*у старости есть свой запах, запах мудрости, прожитых лет и одиночества*).

Выводы. Анализ текстов сочинений, написанных учащимися VII классов школ г. Омска в режиме неподготовленной речи, показывает хорошее владение коммуникативными нормами и структурой рассуждения, в которой актуальна Я-субъектная коммуникация, появляющаяся либо в абсолютном начале текстов, либо по мере разворачивания смысловых блоков, связанных с представлением «возрастного будущего» или описанием реального настоящего. Причем выбор коммуникативной модели не зависит напрямую от формулировки темы.

Структура текстов, как правило, трехчастна: вводная часть, основные рассуждения и заключение (выводы). В ряде случаев (особенно это касается сочинений на тему «Какой он, старый человек?») роль вводной части выполняет непосредственный ответ на вопрос, заданный в названии, объемный в информационном отношении. При наличии традиционного введения сочинение отражает общие рассуждения о старости, старом человеке. Вводная часть и заключение сочинений невелики по объему, представляют собой одно или два распространенных предложения.

Актуальный смысловой состав концептуальной области, связанной с пожилым возрастом, формируют противоположные смыслы концептуальных областей: *семья* («любовь к детям, внукам, забота, помощь» / «ненужность»); *образ жизни* («физическая и интеллектуальная активность», «здоровье» / «отсутствие интересов», «болезни»); *жизнь как прошлое – настоящее – будущее* («работа, деньги, бизнес», «радость, веселье, наслаждение», «грусть, немощь»); *человек* («разные типы пожилых людей», «жизнерадостность» / «ворчливость», «опыт», «мудрость»).

Типы применяемых речевых действий при вербализации смыслов в процессе письменной речевой деятельности на указанные темы связаны с наделением качеством, передачей деятельности человека и его возрастного состояния с помощью первичной и вторичной предикации.

Круг базовой для смыслового поля возраста лексики ограничен, включает прилагательные, существительные, глагол (*пожилой, старый, старик, бабушка, дедушка, стареть*).

Этой лексики в сочетании с рядом предикатов физических и речевых действий, движения, ментальных, эмоциональных, интеллектуальных качеств оказывается достаточно, чтобы репрезентировать тради-

ционные для русской культуры стереотипы многопоколенной семьи, взаимной заботы и отразить процесс формирования новых стереотипов активной, радостной и счастливой старости.

Таблица

Основные параметры сочинений учащихся VII классов г. Омска

Объем сочинений				
Среднее количество слов в сочинении	Среднее количество предложений	Средняя длина предложения в словах	Максимальный объем в сл./пр.	Минимальный объем в сл./пр.
«В старости я буду...»				
24%				
120	10,5	11,5	166 сл./12 пр.	86 сл./8 пр.
«Старость, какая она?»				
28%				
111,7	9,7	11,5	160 сл./11 пр.	79 сл./10 пр.
«Старый человек, какой он?»				
48%				
122,9	18	6,8	195 сл./15 пр.	59 сл./8 пр.
Коммуникативная организация текста				
Тип коммуникации		Речевые стратегии		
«В старости я буду...»				
Личностная Я-коммуникация	Признания – представления-прогнозы	Представления-самопрезентации – представления-итоги		Условные рассуждения – представления-самопрезентации – обобщения
79 %	28,5 %	35,7 %		14 %
Личностная косвенная коммуникация	Представления-самопрезентации – представления-итоги		Представления-самопрезентации	
21 %	14 %		7 %	
«Старость, какая она?»				
Личностная Я-коммуникация	Перцептивная интерпретация смысловой доминанты – варианты образа жизни человека в данный период жизни		Темпоральная интерпретация смысловой доминанты – варианты поведения человека в данном периоде времени	
25 %	12,5 %		12,5 %	
Личностная косвенная коммуникация	Интерпретация смысловой доминанты – описание поведения людей в данном возрасте – вариативные сценарии возраста			
12,5 %	12,5 %			
Бессубъектная коммуникация	Интерпретация смысловой доминанты – описание поведения людей в данном возрасте – вариативные сценарии возраста		Интерпретация старости как человека данного возраста – состояние возраста как состояние человека	
62,5 %	37,5 %		25 %	
«Старый человек, какой он?»				
Личностная Я-коммуникация	Заявление о намерениях рассуждать, описывать – описание человека указанного возраста – вариативные сценарии состояния здоровья, отношения окружающих, деятельности			
29 %	29 %			
Личностная косвенная коммуникация	Вариативные сценарии поведения, деятельности, эмоциональной сферы людей данного возраста, основанные на личном опыте пишущих			
12 %	12 %			

Бессубъектная коммуникация	Общие рассуждения о жизни, старости – вариативные сценарии людей в данном периоде жизни	Квалификация человека данного возраста через его поведенческие, эмоциональные, ментальные черты	Общие рассуждения о типах людей такого возраста
59 %	23 %	25 %	11 %
Когнитивная организация текста			
«В старости я буду...»			
Когнитивные сценарии / Актуализированные смысловые области			
«Все должно быть / хочу не как у других людей – линия активной материальной и иной жизни» – «старость – это новая жизнь» – «старости предшествует активная работа и зарабатывание денег»	«Работа», «деньги/вещи», «деятельность/путешествия/самообразование»	«Все будет как у всех – линия семейной жизни» – «работа» – «семья» («дети» – «внуки») – «любовь» – «забота» – «здоровье»	«Старость/молодость», «доброта», «счастье», «дети/внуки», «помощь/забота»
«Старость, какая она?»			
Контрастные сценарии активной («человек побеждает возраст») и пассивной («старость побеждает человека») старости – соединение сценариев с помощью актуализации пересеченных линий «человек – жизнь»	«Человек», «работа», «хобби», «активность» / «одиночество при наличии детей и внуков», «медленная смерть» – «старость как часть человека и варианта его жизни»	«Интерпретация слова – через нее выход на когнитивные сценарии “человек и возраст”, «физическое/эмоциональное состояние», «период жизни», «собственное отношение к феномену»	«Человек – люди», «болезнь», «одиночество», «смерть», «оценка возможных сценариев»
«Старый человек, какой он?»			
Внешнее и внутреннее портирование человека данного возраста как типового феномена и представителя поколения, условность сочетания «внешнего» и «внутреннего»	«Человек» – «внутренние качества», «разговор», «долгая жизнь», «опыт», «здоровье»	Контрастный сценарий («человек данного возраста как противоположность человеку молодого возраста»)	«Человек» – «молодость» – «агрессивное поведение» / «забота», «помощь» // «старость» – «мудрость», «опыт», «доброта», «забота о детях, внуках»

ЛИТЕРАТУРА

Бутакова Л. О. Динамика развития языковой способности и речевой компетенции носителей русского языка: Региональное экспериментальное исследование. – Омск, 2010.

Бутакова Л. О. Книга – источник знаний? (Субъективная семантика лексем книга, компьютер, планшет, интернет) // Русский язык в школе. – 2019. – № 4. – С. 37–44. DOI: 10.30515/01316141-2019-80-4-36-44.

Бутакова Л. О. Старость как концептуальный феномен: региональный и возрастной аспекты ассоциативной семантики // Психолингвистика. Серия: Филология. – 2018. – Т. 23, – № 2. – С. 25–39. DOI 10.5281/zenodo.1205003.

Бутакова Л. О. Старый – молодой – дед: динамика субъективной семантики слова // Филологический класс. – 2018. – № 2(52). – С. 95–101. DOI:10.26710/fk18-02-16.

Бутакова Л. О. Языковая способность и речевая компетенция школьников: анализ

сформированности когнитивных механизмов // Вестник ВолГУ. – 2016. – № 4. – С. 40–52. DOI: 10.15688/jvolsu2.2016.4.4 [Бутакова 2016б].

Бутакова Л. О. Языковая способность, речевая компетенция в формате не-/естественной письменной речи (на материале сочинений школьников) // Вестник КемГУ. – 2016. – № 3. – С. 101–110. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-3-101-110 [Бутакова 2016а].

Бутакова Л. О., Гуц Е. Н., Козловская Е. А. Детство в дискурсивном пространстве региона: комплексный анализ ценностных фрагментов языкового сознания и институциональных коммуникаций. – Омск, 2018.

Бутакова Л. О., Гуц Е. Н., Орлова Н. В. Проект «Региональное языковое сознание: возрастной аспект» // Вопросы психолингвистики. – 2018. – 2 (36). С. 146–168. DOI:10.30982/2077-5911-2-146-167.

Гольдин В. Е. Возрастная динамика словесных ассоциаций школьников // Язык в движении: к 70-летию Л. П. Крысина. – М., 2007. – С. 126–137 [Гольдин 2007а].

Гольдин В. Е. Личная сфера школьника по данным ассоциативного словаря // Вопросы психолингвистики. – 2007. – № 5. – С. 94–99 [Гольдин 2007б].

Гольдин В. Е., Сдобнова А. П., Мартыанов А. О. Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I–XI классов: в 2 т. – Саратов, 2011.

Гридина Т. А. Вербальная креативность ребенка: от истоков словотворчества к языковой игре. – Екатеринбург, 2018 [Гридина 2018а].

Гридина Т. А. Метафоры детской речи как феномен лингвокреативного мышления и поэтической одаренности // Лингвистика креатива – 4 / под общ. ред. Гридиной Т. А. – Екатеринбург, 2018б. – С. 11–39 [Гридина 2018б].

Гуц Е. Н. Ассоциативный словарь подростка. – Омск, 2004.

Гуц Е. Н. Психолингвистическое исследование языкового сознания подростка. – Омск, 2005.

Доценко Т. И. Активные процессы в лексиконе подростка // Русский язык сегодня: активные языковые процессы конца XX века. – М., 2003. – Вып. 2. – С. 139–147.

Доценко Т. И. Категориальность и ментальный лексикон // Социо- и психолингвистические исследования. – 2011. – № 15. – С. 74–85.

Жинкин Н. И. Развитие письменной речи учащихся III–VIII классов // Н. И. Жинкин. Язык. Речь. Творчество. Исследования по семиотике, психолингвистики, поэтике. – М., 1998. – С. 183–219.

Коммуникативное поведение младшего школьника / Н. А. Лемяскина, И. А. Стернин. – Воронеж, 2000 [Лемяскина, Стернин 2000].

Никитина Л. Б., Салимьянова И. В. Образ пожилого человека в русской языковой картине мира. – Омск, 2013.

Овчинникова И. Г. Входящие и исходящие связи слова в ментальной лексиконе младшего школьника // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2018. – № 189. – С. 160–169.

Овчинникова И. Г., Береснева Н. И., Дубровская Л. А., Пенягина Е. Б. Лексикон младшего школьника (характеристика лексического компонента языковой компетенции). – Пермь, 2000.

Орлова Н. В. Речь школьника на уроках словесности: онтолингвистический и дискурсивный подходы. – Омск, 2010.

Пищальникова В. А. Языковая личность: ментальные основания языковой способности // Филологический ежегодник. – Вып. 4. – Омск, 2002.

Рогожников Т. М. Психолингвистическое исследование функционирования многозначного слова. – Уфа, 2000.

Сдобнова А. П. Лексикон школьника как динамическая система. – Саратов, 2015.

Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. – М., 2009.

Цейтлин С. Н. Язык и ребенок: лингвистика детской речи. – М., 2000.

REFERENCES

Butakova L. O. Dynamics of the development of linguistic ability and speech competence of native speakers of the Russian language: Regional experimental study. Omsk, 2010. (In Rus.)

Butakova L. O. Is a book a source of knowledge? (Subjective semantics of the words book, computer, tablet, Internet). In *Russkii yazyk v shkole [Russian language at school]*. 2019, No. 4, pp. 37–44. DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-4-36-44. (In Rus.)

Butakova L. O. Old age as a conceptual phenomenon: regional and age aspects of associative semantics. In *Psicholingvistika. Seria: Philologia [Psycholinguistics. Series: Philology]*. 2018, vol. 23, No. 2, pp. 25–39. DOI 10.5281/zenodo.1205003. (In Rus.)

Butakova L. O. Old – young – granddad: dynamics of subjective word semantics. In *Filologicheskii klass [Philological class]*. 2018, No. 2(52), pp. 95–101. DOI: 10.26710/fk18-02-16. (In Rus.)

Butakova L. O. Language ability and speech competence of schoolchildren: analysis of the formation of cognitive mechanisms. In *Vestnik VolGU [Bulletin of VolSU]*. 2016, No. 4, pp. 40–52. DOI: 10.15688/jvolsu2.2016.4.4. (In Rus.)

Butakova L. O. Language ability, speech competence in the format of non- / natural written speech (based on the material of schoolchildren). In *Vestnik KemGU*. [Bulletin of KemSU]. 2016, No. 3, pp. 101–110. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-3-101-110. (In Rus.)

Butakova L. O., Goots E. N., Kozlovskaya E. A. Childhood in the discursive space of the region: a comprehensive analysis of value fragments of language consciousness and institutional communications. – Omsk, 2018. (In Rus.)

Butakova L. O., Goots E. N., Orlova N. V. The project «Regional language consciousness: the age aspect». In *Voprosy psikholingvistiki* [Questions of psycholinguistics]. 2018, No. 2 (36), pp. 146–168. DOI: 10.30982/2077-5911-2-146-167. (In Rus.)

Goldin V. E. Age dynamics of verbal associations of schoolchildren. In *Yazyk v dvizhenii: k 70-letiyu L. P. Krysin* [Language in motion: on the 70th anniversary of L. P. Krysin]. Moscow, 2007, pp. 126–137. (In Rus.)

Goldin V. E. The personal sphere of the student according to the associative dictionary. In *Voprosy psikholingvistiki* [Questions of psycholinguistics]. 2007, No. 5, pp. 94–99. (In Rus.)

Goldin V. E., Sdobnova A. P., Martyanov A. O. Russian associative dictionary: associative reactions of schoolchildren of I–XI classes: in 2 vols. Saratov, 2011. (In Rus.)

Gridina T. A. Verbal creativity of the child: from the origins of word-making to the language game. Ekaterinburg, 2018. (In Rus.)

Gridina T. A. Metaphors of children's speech as a phenomenon of linguo-creative thinking and poetic giftedness. In *Lingvistika kreativa – 4* [Linguistics of a creative – 4]. Ed. T. A. Gridina. Ekaterinburg, 2018, pp. 11–39. (In Rus.)

Goots E. N. The associative dictionary of a teenager. Omsk, 2004. (In Rus.)

Goots E. N. Psycholinguistic study of the linguistic consciousness of a teenager. Omsk, 2005. (In Rus.)

Dotsenko T. I. Active processes in the lexicon of a teenager. In *Russkii yazyk segodnya: aktivnye yazykovye protsessy kontsa XX veka* [Russian language

today: active language processes of the end of the XX century]. Moscow, 2003. Issue 2. P. 139–147. (In Rus.)

Dotsenko T. I. Categoricity and mental lexicon. In *Sotsio- i psikholingvisticheskiye issledovaniya* [Socio- and psycholinguistic studies]. 2011, No. 15, pp. 74–85. (In Rus.)

Zhinkin N. I. The development of written speech of students of grades III–VIII. In *N. I. Zhinkin. Yazyk. Rech'. Tvorchestvo. Issledovaniya po semiotike, psikholingvistiki, poetike* [Tongue. Speech. Creation. Research on semiotics, psycholinguistics, poetics]. Moscow, 1998, pp. 183–219. (In Rus.)

The communicative behavior of a primary school student. By N. A. Lemyaskina, I. A. Sternin. Voronezh, 2000. (In Rus.)

Nikitina L. B., Salimyanova I. V. The image of an elderly person in the Russian language world's picture. Omsk, 2013. (In Rus.)

Ovchinnikova I. G. Connections between words within the mental lexicon of primary school children. In *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena* [Proceedings of the Russian Herzen State Pedagogical University]. 2018, No. 189, pp. 160–169. (In Rus.)

Ovchinnikova I. G., Beresneva N. I., Dubrovskaya L. A., Penyagina E. B. The vocabulary of a younger student (Characteristic of the lexical component of language competence). Perm, 2000. (In Rus.)

Orlova N. V. Speech of the student at the lessons of literature: ontolinguistic and discursive approaches. Omsk, 2010. (In Rus.)

Pishchalnikova V. A. Language personality: mental foundations of language ability. In *Filologicheskii yezhegodnik* [Philological Yearbook]. Vol. 4. Omsk, 2002. (In Rus.)

Rogozhnikova T. M. Psycholinguistic study of the functioning of a polysemantic word. Ufa, 2000. (In Rus.)

Sdobnova A. P. Schoolboy lexicon as a dynamic system. Saratov, 2015. (In Rus.)

Tseitlin S. N. Essays on word formation and morphogenesis in children's speech. Moscow, 2009. (In Rus.)

Tseitlin S. N. Language and child: Linguistics of children's speech. Moscow, 2000. (In Rus.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Лариса Олеговна Бутакова, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, славянского и классического языкознания, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского; проспект Мира, д. 55-А, г. Омск, 644077, Россия

Larisa O. Butakova, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Head of the Department of Russian, Slavic and Classical Linguistics, Dostoevsky Omsk State University; 55-A Pr. Mira, Omsk, 644077, Russia